

В. Н. Земцов

**КРЕСТ КОЛОКОЛЬНИ ИВАНА ВЕЛИКОГО:
ДВЕСТИ ЛЕТ ДВУХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ**

Около двух часов утра 23 октября (н. ст.) по приказу Наполеона отходившие части французского гарнизона взорвали московский Кремль. Было разрушено здание Арсенала, Никольская, обе Арсенальные, Водовзводная, 2-я Безымянная и Петровская башни, во многих местах обрушились кремлевские стены. В груды камней были превращены Рождественская звонница и Филаретовская пристройка, примыкавшие к колокольне Ивана Великого. Правда сама колокольня устояла, однако креста на ней к тому времени уже не было...

Колокольня Ивана Великого, увенчанная крестом, ярко горевшим на солнце, издавна воспринималась как символ могущества и несокрушимости России, как свидетель ее непобедимости. Что же стало с крестом, венчавшим ее купол, сброшенным и похищенным Наполеоном? 19 ноября (ст. ст.) 1812 г. Александр I напишет М. И. Кутузову: «Князь Михайло Ларионович! Присланный от вас курьером штабс-капитан Байков, будучи мне лично представлен, между прочим, объявил, что будто бы похищенный в Москве с колокольни Ивана Великого крест отбит нами у неприятеля, изыясняя, что он основывает сие донесение на изустном вашем о том приказании. Не имея о сем никакого подтверждения и даже прибывший после него полковник Шнейдер объявил, что сие ему неизвестно, я желаю, чтоб вы донесли мне об оном с первым курьером».¹ Сразу после получения этого послания М. И. Кутузов ответил, что о судьбе креста ему ничего не известно.²

Русские войска так и не отобьют этот крест у неприятеля. Но он будет неожиданно обретен в московском Кремле в марте 1813 г. 29 марта

(ст. ст.) газета «Московские ведомости» поспешила уведомить об этом российскую публику: «Крест с главы Ивановской колокольни найден ныне в Кремле, у стены большого Успенского собора близ северных дверей с винтами, кои, как и крест, вызолочены были червонным золотом. Он во многих местах поврежден, вероятно, от падения с большой высоты. При бывшем по сему случаю осмотре находился и тот самый кузнечный мастер Ионов, который был употреблен при делании сего креста. Открыли, что оный крест был увезен всемирным врагом вместо трофея. Теперь из сего обстоятельства заключить можно, что увезенный неприятелем из Кремля крест снят был, вероятно, из смежного с Ивановской колокольнею здания, так называемого Филаретовского; ибо во всем Кремле не доставало токмо сих двух крестов, из которых последний несравненно менее первого и таковой позолоты не имел».³ Тогда же, «через посредство весьма почтенной духовной особы» (вероятно, московского епископа Августина), об обретении креста был уведомлен и «Вестник Европы», немедленно давший опровержение на статью в «Сыне Отечества», в котором говорилось, что крест с колокольни Ивана Великого вывезен французами в качестве трофея. Получалось, что если Наполеон и похитил какой-то крест, венчавший один из куполов московского Кремля, то это мог быть крест с Филаретовой пристройки.⁴

С тех пор и до середины 1830-х гг. российских подданных вопрос об исчезновении и обретении креста с колокольни Ивана Великого не волновал. Исключение составила только оправдательная книга Ф. В. Ростопчина «Правда о пожаре Москвы», изданная в Париже в 1823 г. Оспаривая правдивость 23-го бюллетеня Великой армии Наполеона от 9 октября (н. ст.) 1812 г., где говорилось об отправке «московских трофеев» в Париж (отметим, что крест с колокольни Ивана Великого в бюл-

¹ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. М., 2006. № 256. С. 336, 337. К опубликованному документу Н. Дубровин сделал примечание: «На этом рескрипте неизвестною рукою сделана помета "Ответствовано, что креста нет"».

² М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. № 545. С. 530, 531; Груцо И. А. Сокровища Наполеона: история, версии, поиски, картография. М., 2010. С. 49, 50.

³ Груцо И. А. Указ. соч. С. 48.

⁴ См.: Сын Отечества. 1813. № 9; Вестн. Европы. 1813. Ч. 67. № 1. С. 149. Отметим, что в развалинах на месте Рождественской звонницы и Филаретовой пристройки два креста, их венчавших, тоже были найдены! Об этом сообщил ключарь Архангельского собора А. Гаврилов епископу Августину, а тот, в свою очередь, доложил о событии обер-прокурору Святейшего Синода А. Н. Голицыну.

летене даже не был упомянут), Ф. Ростопчин написал: «По-видимому, этот трофей (икона Богоматери, украшенная алмазами — В. З.) не смог достичь Франции, точно так же как тот огромный крест, который возвышался на огромной колокольне, называемой Иван Великий (в тексте опечатка — Fvanveliki — В. З.); он был из позолоченного железа; но немецкий путешественник, Адам Олеарий, который приезжал в Москву во время царя Алексея, утверждал (я не знаю, на каком основании), что этот крест из позолоченного массивного серебра: поэтому, как увидел, что он из железа, то был брошен».⁵

Ситуация изменилась после того, как работа Ф. П. Сегюра, бывшего в 1812 г. главным квартирмейстером Главной квартиры Наполеона, вышедшая в Париже в 1824 г., получила широкую популярность. В ней говорилось о том, что на пути от Гжатска до Михайловской пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: «...здесь были потоплены пушки, старинные доспехи (*des armures gothiques*), украшения Кремля и крест с Ивана Великого (*la croix de Grand Ywan*)».⁶ Версию Сегюра повторил в «Истории Наполеона Бонапарта» Вальтер Скотт. В начале 1830-х гг. произведение Скотта было переведено на русский язык и стало достоянием читающей российской публики.⁷ Смоленский губернатор Н. И. Хмельницкий загорелся идеей во что бы то ни стало отыскать «сокровища Наполеона», среди которых должен был находиться и крест с колокольни Ивана Великого. «Семлевским озером», по мнению Н. Хмельницкого, было озеро Глубокое возле села Семлево, в 27 верстах к западу от Вязьмы. С этого времени, вначале силами саперной команды прапорщика фон Людовича, а затем — подполковника Четверикова, были начаты широкомасштабные поисковые работы.⁸ Результатом всех усилий было выявление на дне озера груды камней с высоким содержанием пирита.

Несмотря на неудачу, в 1880-е гг. местный помещик Шагаров продолжил поиски, которые также закончились ничем. Однако в преддверии 100-летнего юбилея Отечест-

венной войны 1812 г., благодаря активной деятельности археолога-любителя Е. Н. Клетновой, интерес к «Семлевскому озеру», «хранившему» в себе крест с колокольни Ивана Великого, снова возрос, результатом чего стала экспедиция археолога Н. А. Скворцова. Ее деятельность была прервана I Мировой войной. Подводя итоги поискам, проводившимся в дореволюционное время, можно сказать, что они были инициированы фактически одной фразой, вскользь брошенной Сегюром. Однако уже первые попытки найти «сокровища» и крест неизбежно породили пересуды среди местных крестьян, послужившие основой для циркулирования «преданий», ставших, в свою очередь, в начале XX в. обоснованием новых поисков заветного креста с колокольни Ивана Великого.

Тем не менее, еще более масштабные поиски «семлевских сокровищ» развернулись с начала 1960-х гг. Инициатором их стал историк-любитель Ю. А. Богомолов, который, как в свое время и Хмельницкий, был подвигнут к этому книгой Вальтера Скотта! На протяжении последующих 20 лет в поисках участвовали тысячи людей, была использована новейшая для того времени техника и затрачены гигантские денежные и другие материальные средства. Участников поисков консультировал Л. Г. Бескровный, признанный в те времена ведущим специалистом по истории Отечественной войны 1812 г., работы которого поражают современных исследователей вопиющей некомпетентностью. К озеру была протянута ЛЭП, работали, временами проваливаясь под лед, экскаваторы, испытывались новые кессоны. Многочисленные публикации в популярных газетах и журналах («Комсомольская правда», «Техника — молодежи»), видеосюжеты, передачи по радио продолжали будоражить воображение тысяч и тысяч советских граждан. Так рождался и проходил «апробацию» новый, советский, механизм формирования слухов, легенд и мифов.

Характерной особенностью всех поисков, проводившихся в дореволюционное и советское время, было более чем беглое знакомство их инициаторов и «идеологов» с письменными источниками, исходившими от чинов Великой армии. Версия Сегюра в пересказе В. Скотта в дальнейшем подкреплялась почти исключительно легендами и домыслами отечественного происхождения. Профессиональные историки, занимавшиеся изучением

⁵ Rostopchine F. V. La Vérité sur l'incendie de Moscou. P., 1823. P. 38.

⁶ Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812. 4-e ed. Bruxelles, 1825. T. 2. P. 131.

⁷ Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов / пер. С. де Шаплет: в 14 ч. СПб., 1831–1832. Ч. 10.

⁸ См.: Груцо И. А. Указ. соч. С. 64–67.

войны 1812 г., оказывались, как правило, в стороне от генерирования легенд о «сокровищах Наполеона», среди которых мог находиться крест с колокольни Ивана Великого. Исключение, по-видимому, составил только К. А. Военский, в архиве которого сохранились выписки из книг секретаря-архивиста Наполеона А. Фэна, камердинера французского императора Констанана и историка Э. Марко де Сент-Илера.⁹ Познакомился К. Военский и с публикацией историка Е.С. Шумигорского, который полагал, что крест из Москвы так и не был вывезен и в 1813 г. хранился в Успенском соборе.¹⁰

В конце XX — начале XXI вв. поиски креста, а главное — попытки разобраться в сути проблемы, были возобновлены. К активным «поисковикам» следует отнести, прежде всего, известного кладоискателя А. Г. Косарева. В ходе отрывочного знакомства с письменными материалами, нередко толкуемыми им весьма своеобразно, и исходя из результатов прежних поисков, он пришел к выводу, что крест с колокольни Ивана Великого был разобран на две части: один его фрагмент затонул в р. Лосмина (Лосминка) в полукилометре от шоссе Смоленск — Красный 15 ноября (надо полагать, н. ст.) 1812 г., а следы другого фрагмента теряются в районе Вильно и Понарских высот.¹¹

Более разносторонне рассмотрел проблему белорусский историк, доцент Белорусского государственного университета И. А. Груццо. Наряду с практическим опытом поисков артефактов войны 1812 г., он попытался как можно полнее восстановить историю «охоты» за «сокровищами Наполеона» на основе значительного объема письменных источников. В частности, И. Груццо познакомился со списком «московских трофеев», вывезенных из столицы, по всей видимости, 11 октября (н. ст.) 1812 г., который был опубликован еще в 1846 г. Э. Марко де Сент-Илером. И. Груццо пришел к выводу, что «главная ошибка кладоискателей заключалась в излишней доверчивости к сведениям из мемуаров участников “русской кампании” о конкретных местах захоронения награбленных в Москве ценностей».¹² В отно-

шении же судьбы креста с колокольни Ивана Великого белорусский ученый высказывал предположение о том, что железный каркас креста так и остался в Кремле и был весной 1813 г. найден, а позолоченные пластины, которыми он был обшит, могли стать частью слитков драгоценных металлов, в которые были переплавлены многочисленные церковные украшения кремлевских храмов.

Иной исследовательский подход применил А. И. Попов. Он попытался проанализировать основной массив французских (с привлечением немецких и польских) письменных материалов, сопоставляя их между собой и выявляя таким образом имеющиеся в них противоречия. Его общий вывод также оказался неутешительным: «...разноречивые показания мемуаристов не позволяют установить точный путь следования» кремлевских трофеев. Поэтому автор только выражал надежду на обретение в дальнейшем во французских архивах каких-либо документов, проливающих свет на этот вопрос.¹³

Основными источниками нашей статьи также оказались зарубежные письменные документы, но рассматриваются они с иного ракурса — с точки зрения того, как возникла и развивалась во французской мемуарной и исторической литературе сама тема «креста с колокольни Ивана Великого». Это, по нашему мнению, позволит «отделить зерна от плевел» в рамках весьма ограниченного, в сущности, круга источников, с которыми обычно и имеет дело исследователь этой запутанной 200-летней истории о «кресте».

Начнем с того, как выглядел и как был изготовлен крест, сброшенный в 1812 г. Наполеоном с колокольни Ивана Великого. Этот крест был изготовлен в 1811 г. и был, по-видимому, копией прежнего, возвышавшегося до него.¹⁴ Крест был восьмиконечный, имел в основе железный каркас, в который был вставлен деревянный крест. Сверху вся эта конструкция была обшита медными (менее вероятно — серебряными) вызолоченными пластинами. Высота креста, по разным сведениям, была от двух саженей двух аршин

⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. К. А. Военский. № 327. Что же касается Л. Г. Бескровного, дававшего консультации по просьбе редакции «Комсомольской правды», то с зарубежными источниками он совершенно не был знаком.

¹⁰ Новое время. 1911. 28 июля.

¹¹ См.: Косарев А. Г., Сотсков Е. В. В поисках сокровищ Бонапарта: Русские клады французского императора. М., 2005.

¹² Груццо И. А. Указ. соч. С. 159.

¹³ См.: Попов А. И. Кремлевские трофеи Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. (Тр. ГИМ. Вып. 179). М., 2008. Т. 7. С. 126–134.

¹⁴ Этот крест хорошо виден на картинах, запечатлевших «допожарную» Москву, выполненных Ф. Я. Алексеевым и его учениками, а также на известных гравюрах 1762, 1805 и 1809 гг.

до трех саженей.¹⁵ У его основания было «яблоко», сделанное из железа и обшитое вызолоченными пластинами.

Чем руководствовался французский император, приказавший сбросить крест с колокольни Ивана Великого? Современники и свидетели этого события оставили нам следующие суждения. «...Наполеон покинул Кремль после того, как снял крест колокольни Ивана Великого, который он отправил во Францию как символ своего завоевания (*comme un monument de sa conquête*)», — записал кюре французской церкви в Москве аббат А. Сюрюг в своем журнале, составленном во время и сразу после событий.¹⁶ Г. Ж. Р. Пейрюсс, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, который 28 сентября (н. ст.) наблюдал приготовления к снятию креста, сделал в тот же день запись в дневнике: «Предметы, обреченные на уничтожение и пламень, принадлежат победителям, которые их сохранили, по праву... Русский народ связывает обладание крестом Ивана Великого с сохранением столицы; Его в-во не думает, что будет вынужден вступить в еще какое-либо сражение с врагом, у которого нет других армий... Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был снят и помещен на дом Инвалидов».¹⁷ Сегюр, который опубликовал свою работу в 1824 г., кажется, был вполне солидарен с мнением Пейрюсса, но счел необходимым указать еще и на колебания в настроениях императора: «Беспокойство, которое он (Наполеон — В. З.) испытывал, выражалось в гневных приказах. Тогда-то он и велел ограбить церкви в Кремле и взять оттуда все, что может служить трофеем для его Великой армии. Эти предметы, обреченные на гибель самими русскими, говорил он, принадлежат теперь победителям на основании двойного права — благодаря победе и, в особенности, из-за пожара».¹⁸ Шеф батальона фузилеров-гренадеров гвардии Л. Ж. Вьонне де Марингоне написал так: «...Наполеон велел забрать бриллианты, жемчуг, золото и серебро,

которые были в церквях. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Говорят, что мотив, заставивший его снять этот крест, был тот, что у русских существовала поговорка: если заходил разговор о какой-нибудь невозможной вещи, то говорили, что это так же верно, как то, что крест с Ивана Великого отправится в Париж. Он (Наполеон — В. З.) захотел доказать обратное».¹⁹ Мнение префекта императорского двора Л. Ф. Ж. Боссе было следующим: «Этот крест был снят, ибо русские расценивали его как палладиум, защищающий их Империю. Наполеон намеревался поместить его как трофей в столице метрополии, в Париже (*comme un trophée dans la métropole de Paris*)».²⁰ М. Дюма, главный интендант Великой армии, уточняет: «Намерение императора было... разместить его на куполе церкви, которую он строил у Лувра перед фасадом Музея». По мнению Дюма, крест был «объектом почитания и восхищения русского народа».²¹ Шевалье д'Изарн, эмигрант и, так сказать, «московский француз», сообщает о том, что некий польский генерал, которого интересовало все, что было связано с историей России, рассказал Наполеону поверье, бытующем среди русских, что пока возвышается над Иваном Великим крест, французы не вступят в Москву.²² Наконец, достаточно развернутое описание мотивов, которыми руководствовался Наполеон, приказывая снять крест, дал обер-штабмейстер императора А. О. Л. Коленкур (полный текст его мемуаров был опубликован только в 1930-е гг.): «Наполеон хотел отметить в Париже свое пребывание в Москве какими-либо трофеями и осведомился, какие предметы можно было бы, по его выражению, послать во Францию на память об успехах нашего оружия. Он сам осмотрел весь Кремль, колокольню Ивана Великого и соседнюю с ней церковь».²³ «Поляки уверяли, что

¹⁵ Сержант полка фузилеров-гренадеров Императорской гвардии Ф. Ж. Б. Ф. Бургонь пишет о 30 футах высоты. И. Груццо, реконструируя внешний вид креста, пишет (основываясь, вероятно, только на мемуарах Бургоня, который сам креста не видел) о том, что в деревянную основу был помещен золотой крест в 30 см.

¹⁶ Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / publ. par le R. P. Libercier. M., [1909]. P. 50, 51.

¹⁷ Peyrusse G. J. Mémoires et archives. 1809–1815. Carcassonne, 1869. P. 105.

¹⁸ Ségur Ph.-P. Op. cit. P. 64.

¹⁹ Vionnet de Marigné L. J. Campagnes de Russie et de Saxe (1812–1813). Souvenirs d'un ex-commandant de grenadiers de la Vieille-Garde. P., 1899. P. 57.

²⁰ [Bausset L. F. J.] Private anecdotes of Foreign Courts. L., 1827. Vol. 2. P. 314.

²¹ Dumas M. Souvenirs. P., 1839. T. 3. P. 455, 456.

²² [Ysarn de Villefort F. J. D.] Relation du séjour des Français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812... / publ. par A. Gadaruel. Bruxelles, 1871. P. 45. Этим польским генералом мог быть не кто иной, как М. Сокольниковский, начальник бюро разведки Главного штаба.

²³ Коленкур не указывает конкретную дату, когда Наполеон стал размышлять о необходимости приобретения «московских трофеев», но по контексту можно предположить, что это произошло уже после 24 сентября (н. ст.), когда русскими временно была перерезана Можайская дорога. Согласно «До-

железный крест на колокольне церкви Ивана Великого высоко ценится русскими, служит предметом почитания всех православных».²⁴ В примечании к тексту Коленкур говорит о том, что императору была представлена некая «русская прокламация», «где сообщалось, что крест с Ивана Великого является священным объектом и сейчас, когда он оказался в руках врагов, стремление отбить крест у неприятеля является первым желанием всех верующих. Эта бумага заставила императора решиться».²⁵ Этими свидетельствами фактически и исчерпываются данные (заслуживающие, на наш взгляд, внимание) о мотивах, которыми руководствовался Наполеон при снятии креста.

Что же касается мнений, бытовавших в среде российских подданных, то обычно говорилось об алчности Наполеона, вознамерившегося украсть золотой крест, который в действительности оказался медным или даже железным. Об этом свидетельствует своеобразная полемика, которая развернулась в 1813 г. на страницах «Сына Отечества», «Вестника Европы» и «Московских ведомостей».²⁶

И все же думается, что потрясение, которое многие русские испытали, увидев после ухода французов «размозженную» (А. С. Норов) главу Ивана Великого, без креста, было вызвано причинами отнюдь не материального, но духовного и даже сакрального характера.

Когда же именно и каким образом крест был снят с колокольни? Совершенно определенно можно утверждать, что снятие креста было произведено 28 или 29 сентября (н. ст.). Так, 28 сентября Пейрюсс сделал следующую запись в дневнике: «...Его в-во снял с церкви Кремля серебряные пластины, украшавшие стены, а также чудесную люстру из массивного серебра. <...> Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был снят и помещен на дом Инвалидов. Я отметил, что в то время, как рабочие были заняты этим делом, огромные стаи ворон, без перерыва кружившие в воздухе,

оглушали своим непрерывным карканьем».²⁷ На следующий день, 29 сентября, в дневнике появилась такая запись: «Я наблюдал из своей комнаты все те приготовления, которые делались для того, чтобы сбить (*degâiner*) и поднять огромный крест. В момент, когда он уже более не держался, канаты одного из “козлов” лопнули — равновесие было нарушено, и тяжесть цепей увлекла крест и часть лесов. Когда он упал, земля содрогнулась под его огромной тяжестью, и крест разбился на три куска».²⁸ То, что снятие креста произошло именно в эти дни, подтверждают и воспоминания Бургоня, также довольно точно передающие события московского периода. Так, относительно 24 сентября (н. ст.) Бургонь пишет: «На самой высокой колокольне виднелся крест Ивана Великого, господствовавший над всем; высота его была тридцать футов, он был сделан из дерева, окованного массивными серебряными вызолоченными полосами; несколько цепей, также золоченых, поддерживали его со всех сторон. <...> Несколько дней спустя рабочая команда, плотники и другие были отряжены снять этот крест для перевозки его в Париж в виде трофея. Но когда его стали снимать, он покачнулся, увлекаемый собственной тяжестью, и, падая, чуть не убил и не потянул за собой людей, державших его за цепи...».²⁹

Тем не менее, есть указания и на то, что снятие креста могло произойти намного позже 29 сентября. Прежде всего, это может следовать из воспоминаний Боссе, которые были изданы в 1827 г. Боссе пишет, что «за несколько дней до нашего отправления [из Москвы] большой крест Ивана, который венчал позолоченную верхушку огромной колокольни Кремля, был спущен. Огромные стаи грачей и ворон, собравшиеся на ободранном куполе... своими криками, казалось, оплакивали свою потерю и провозглашали приход суровой зимы».³⁰ С мемуарами Боссе вполне согласуются воспоминания Дюма, опубликованные в 1839 г.: «Как бы там ни было, Наполеон действовал так, как если бы война окончательно была решена в Москве. Отгрузка трофеев, которые он собрал в Кремле, доказывала существование этого принесшего несчастья убеждения. В один из дней я с кн. Ваграмским

рожному дневнику» Коленкура, Наполеон после проведения очередного парада 6 октября (н. ст.) «посетил церкви Кремля» (Caulaincourt A. A. L. *Mémoires*. P., 1933. Т. 2. P. 37. Note 2). Но мы не сомневаемся, что первое знакомство Наполеона со зданиями московского Кремля произошло еще раньше.

²⁴ Caulaincourt A. A. L. *Op. cit.* P. 58.

²⁵ *Ibid.* Note 2.

²⁶ См.: Грощо И. А. Указ. соч. С. 47–49. См. также: Письмо неизвестного. Февраль 1813 г. // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 165; Суждение русского издателя записок Боволье ([Боволье] Записки современников о 1812 годе // Русская старина. 1893. № 1. Т. 77. С. 18); и др.

²⁷ Peyrusse G. J. *Op. cit.* P. 105.

²⁸ *Ibid.* P. 106.

²⁹ Bourgogne A. J. B. F. *Mémoires du sergent Bourgogne*. P., 1900. P. 41.

³⁰ [Bausset] *Op. cit.* P. 314.

(маршал Л. А. Бертье, начальник Главного штаба Великой армии — В. З.) был на балконе апартаментов императрицы, которые он занимал и которые были значительно выше апартаментов императора. Мы наблюдали тщетные усилия, которые предпринимали рабочие под управлением инженеров, чтобы спустить [крест] с верха купола главной церкви, объект почитания и восхищения русского народа, который, думали, был из чистого золота (он был из медных пластин, покрытых листовым золотом). Этот крест не мог быть сброшен без того, чтобы не разрушить верхушку купола, к которой он был основательно прикреплен, и пришлось часть распилить; он упал со страшным грохотом на землю и распался на куски, затем был тщательно упакован для транспортировки в Париж». ³¹ Наконец, обратимся к записи за 16 октября (н. ст.) в дневнике Э. В. Э. Б. Кастеляна, адъютанта Л. Нарбонна: «Рушат часть купола собора Кремля и крест Ивановича; свалившись, он сломался». ³²

Возникает ощущение дежа вю. Кажется, что авторы описывают одно и то же событие (кружение и карканье стаи ворон, одни и те же трудности при снятии креста, сломавшийся крест...), которое, однако же, произошло, по крайней мере, дважды. ³³ Приведем для полноты картины еще два отрывка — из книги Сегюра и мемуаров генерал-адъютанта Наполеона Ж. Раппа. Эти авторы не могли быть знакомы ни с дневником Пейрюсса, ни с дневником Кастеляна, ни, тем более, с воспоминаниями Бургоня. Сегюр сообщает читателям: «Во время работ на этой колокольне было замечено, что стаи ворон беспрестанно кружат над крестом, и их унылое карканье, надоедавшее Наполеону, заставило его воскликнуть, что стаи этих зловещих птиц как будто хотят защитить крест! Неизвестно, какие мысли смущали Наполеона в эти критические минуты, но все знали, что он легко поддается всяким предчувствиям». ³⁴ Рапп в

своих воспоминаниях пишет так: «Мы увидели, как тучи ворон кружили вокруг этого железа (la ferraille); хотели ли они помешать нам увести его?» ³⁵

И все же речь, по-видимому, идет об одном и том же событии, которое произошло 28 или 29 сентября. Запись Кастеляна не следует понимать так, как будто снятие креста было именно 16 октября: судя по контексту, автор дневника просто констатировал факт того, что крест был снят, а соборы разграблены. ³⁶ Что же касается воспоминаний Боссе и Дюма, а тем более Нарбонна, то точного указания на день снятия креста у них все же нет.

Этот, казалось бы, частный вопрос — когда именно французские солдаты снимали крест с колокольни — помогает нам осознать, что «обезглавливание», как полагали французы, главной русской святыни, стало для них событием значительным, можно сказать, символическим, и в плане констатации победы над русскими, и в плане проявления самонадеянной дерзости Наполеона, которая, как многие считали, стала причиной краха Великой армии в русской кампании. Каждый француз, вознамерившийся оставить после себя воспоминания о русской эпопее 1812 г., считал необходимым написать о снятии креста с колокольни Ивана Великого.

Любопытно, что Наполеон об этом кресте не упоминал не только в своих воспоминаниях, но даже и в бюллетенях Великой армии, которые всегда (или почти всегда) диктовал лично. Вот, к примеру, отрывок из 23-го бюллетеня от 9 октября (н. ст.), где говорится о «московских трофеях»: «Знамена, взятые русскими у турок в ходе разных войн, и другие многочисленные вещи, бывшие в Кремле, отправлены в Париж. Найдена Мадонна, украшенная бриллиантами, она также отправлена в Париж». ³⁷ Этот бюллетень хорошо согласуется с теми документами, которые в 1846 г. опубликовал Сент-Илер и в которых если и упоминаются кресты («Деревянный крест, содержащий в себе частицы подлинного креста (т. е. креста, на котором был распят Христос — В. З.)»; «Другой небольшой крест, украшенный цветными камнями»), то явно иные. Несмотря на разночтения в до-

³¹ Dumas M. Op. cit. P. 455, 456. Этот эпизод, описанный, безусловно, на основе мемуаров Дюма, имеется и в воспоминаниях Л. М. Ж. А. Нарбонна, генерал-адъютанта императора, составленных его секретарем А. Ф. Вильменом (Villemain A. F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. P., 1854. T. 1. P. 232).

³² Castellane E. V. E. B. Journal. P., 1895. T. 1. P. 170.

³³ Можно было бы предположить, что французы сбрасывали два креста — с колокольни Ивана Великого и, скажем, с рождественской звонницы или Филаретовой пристройки. Но, по всей видимости, это маловероятно.

³⁴ Ségur Ph.-P. Op. cit. P. 64.

³⁵ Rapp J. Mémoires. P., 1823. P. 220.

³⁶ Мы не могли не задаться вопросом, почему Кастелян не внес в дневник запись о снятии креста 28 или 29 сентября. Судя по тексту дневника, Кастелян мог сам и не видеть, как крест снимали, а только позже услышал об этом.

³⁷ Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P., 1827. T. 5. P. 67, 68.

кументах, очевидно, что обоз с этими «трофеями», среди которых определенно не было креста с колокольни Ивана Великого или его фрагментов, отправился из Москвы в начале десятых чисел октября.³⁸ Крест мог отбыть только со вторым «трофейным» обозом, который выступил вечером 19 октября (н. ст.) в сопровождении солдат из дивизии Роге Молодой гвардии. Накануне, 18 октября, готовясь к отъезду из Москвы, Наполеон отдал Бертье следующий приказ: «Дивизия Роге остается здесь до завтра; она уйдет завтра вечером, эскортируя казну и главную квартиру интенданта».³⁹

Сам Роге напишет в мемуарах следующее: «19-го вечером, согласно приказу Наполеона, я выступил из этого города, эскортируя казну и главную квартиру интенданта; я увозил трофеи Кремля, среди которых был крест Ивана (la croix d'Ivan), многочисленные священные для императоров предметы, все знамена, взятые у турок в течение столетия, мадонну, украшенную драгоценными камнями, изготовленную в 1740 для императрицы Анны Ивановны как память о победах над поляками и взятии Данцига в 1733. Казна состояла из серебряных монет и из слитков, сделанных из вещей, найденных в достаточно большом количестве среди развалин Москвы».⁴⁰ Бросается в глаза то, что текст Роге определенно перекликается с текстом 23-го бюллетеня!⁴¹ Подтверждением этому находим далее, когда Роге повествует о событиях на Березине. Он пишет: «Здесь я по-

терял свою корреспонденцию. Детали, ускользающие сегодня из моей памяти, опущены».⁴²

Если Роге и вывозил 19 октября крест Ивана Великого, то в тот же день фрагменты этого креста «выходили» из Москвы в ранцах солдат и сержантов Великой армии. Бургонь вспоминал, что в его ранце «... среди прочего был обломок креста Ивана Великого, а именно кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной обшивки; мне его дал один солдат из команды, которая была наряжена для снятия креста с колокольни».⁴³

И уж полная путаница начинается, когда мемуаристы в своих воспоминаниях (иных документов не выявлено) повествуют о судьбе «московских сокровищ», среди которых был крест Ивана Великого. По-видимому, первым, кто заявил о судьбе креста во всеуслышание, был Э. Лабом, чья книга вышла в 1815 г. (с ней даже успел познакомиться бывший император на о-ве Св. Елены). По версии Лабом, который служил инженером-капитаном в штабе 4-го армейского корпуса и вряд ли имел прямое отношение к «сокровищам», сопровождаемым остатками дивизии Роге, крест был брошен вместе со знаменами, вывезенными из Кремля, после Вильно, по дороге на Ковно.⁴⁴ Хотя в тексте и не называется возвышенность, где это произошло, но определенно Лабом имел в виду Понарские холмы.

Следующим автором, заявившим о месте «сокрытия» креста, стал Сегюр, выпустивший книгу в 1824 г. Его версия нам уже хорошо известна: крест должен был лежать в «Семлевском озере». Однако Боссе, издавший воспоминания в 1827 г., считал иначе: «Если я верно информирован, этот греческий крест вместе со многими другими драгоценными вещами, которые трудно было везти, был сброшен в Бе-

³⁸ См.: Castellane E. V. E. B. Op. cit. P. 167; Fain A. J. F. Manuscrit de 1812. P., 1827. T. 2. P. 149; Denniée P. P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842. P. 105. Note; Коленкур — графине Нансуги. Москва, 15 октября (н. ст.) 1812 г. // Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow. P., 1913. P. 151; Попов А. И. Указ. соч. С. 130, 131; и др.

³⁹ Наполеон — Бертье. Москва, 18 октября (н. ст.) 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. P., 1868. T. 24. № 19285. P. 273. Бригадный генерал, командир бригады 2-й пехотной дивизии из корпуса Л. Н. Даву А. Б. Ж. Дедем ван де Гельдер написал в мемуарах так: «Золотой крест с колокольни Ивана Великого, а также набальзамированная рука святого, патрона города, одно кресло из императорского дворца и несколько других редкостей были вывезены с казной» (Dedem de Gelder. Mémoires du général Dedem de Gelder. P., 1900. P. 266).

⁴⁰ Roguet F. Mémoires militaires. P., 1865. T. 4. P. 497.

⁴¹ Влияние этого бюллетеня явно чувствуется и у Ж. Шамбре, участника событий и историка кампании: «Было отправлено конной с трофеями, состоящими из турецких знамен и других вещей, которые Наполеон похитил из церкви Кремля, и тот самый огромный крест, покрытый золотом и венчавший столп Ивана Великого, который не имел никакого значения, кроме того, что был объектом почитания для русских» (Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. T. 3. P. 475. Note 1).

⁴² Roguet F. Op. cit. P. 535.

⁴³ Bourgogne A. J. V. F. Op. cit. P. 46, 47. В примечании Бургонь пишет следующее: «Я забыл упомянуть, что внутри большого креста Ивана Великого был другой из массивного золота, около фута в длину (d'un pied de long)» (Ibid. P. 46. Note 1).

⁴⁴ См.: Labaume E. La campagne de Russie. P., 2001. P. 296, 297. Любопытно, что Дюма, взбиравшийся на эти высоты вместе с А. Ш. Н. А. Сен-Дидье, аудитором Государственного совета и префектом двора, который руководил расхищением кремлевских сокровищ, описывая разграбление фургонов с казной на Понарской горе, ни словом не обмолвился о кресте, как и о прочих «трофеях». О разграблении фургонов с казной, но также не упоминая о «трофеях», повелили и другие мемуаристы — Ж. Ф. Булар, второй майор полка пешей артиллерии Старой гвардии, и М. Комб, су-лейтенант 2-го конно-егерского полка.

резину».⁴⁵ В середине XIX в. Гадаруэль (отец Ладраг), издавший воспоминания шевалье д'Изарна, заявил, что крест «был затоплен в каком-либо водоеме, возможно в Березине».⁴⁶

Мемуары Роге вышли в свет в 1865 г. Генерал, чья дивизия сопровождала обоз с «московскими трофеями», среди которых находился крест, казалось бы, должен был прояснить вопрос о его судьбе. Но и он этого не сделал. О судьбе «московских трофеев» (и без упоминания о кресте!) Роге сообщал так: «Пушки и трофеи, которые мы не могли более транспортировать», сбросили в «Семлевское озеро»;⁴⁷ а «остатки кремлевских трофеев» были «поглощены болотом», как можно понять, приблизительно 29 ноября (н. ст.) в местечке Камень.⁴⁸ Очевидно, что о событиях у «Семлевского озера» Роге (который, как мы уже знаем, утратил всю свою корреспонденцию на Березине) прочитал у Сегюра и воспроизвел этот эпизод с затоплением трофеев на страницах своей книги.

В конце XIX в. были изданы дневниковые записи Кастеляна, на которые никоим образом не могла повлиять ни книга Лабома, ни работа Сегюра или кого-либо еще. Кастелян, сделавший запись 15 ноября, упомянул о событиях в районе Красного, где казаки с артиллерией напали на хвост колонны, застрявшей при переправе через тесный мост: «Два ящика с трофеями, среди которых находился и крест с Ивана Великого, утонули, когда их пытались переправить по льду; погибли все — и люди, и лошади».⁴⁹

В начале XX в. в публиковавшихся воспоминаниях участников русского похода вновь упоминается «Семлевское озеро».⁵⁰

Что же касается французских историков, то можно констатировать, что ни один из них так и не попытался прояснить вопрос о судьбе креста с колокольни Ивана Великого. После работы Сент-Илера, вышедшей в 1846 г. и переизданной в 2003 г., в которой упоминалось

о потере креста французами при Березине,⁵¹ об этом событии написали только два французских автора русского происхождения. В 1963 г. К. Грюнвальд, публикуя фрагмент из воспоминаний Боссе, где говорилось о затоплении креста в Березине, попытался оспорить его и, сославшись на Лабома, заявил об утрате креста после Вильно.⁵² Наконец, Дарья Оливье в книге о пожаре Москвы, весьма путано изложив сюжет о «кремлевских трофеях» и кресте, вообще обошла молчанием его судьбу после вывоза из Москвы.⁵³

В целом представляется, что все (или почти все) сведения, исходившие от мемуаристов Великой армии, и даже их дневниковые записи, говорившие о судьбе креста после его снятия с колокольни, рождены были исключительно слухами, ходившими среди наполеоновских солдат. Даже воспоминания Роге, который должен был сопровождать поверженный крест, не проясняют этот вопрос, а только еще больше его запутывают. Создается впечатление, что для самого Наполеона, который и был инициатором снятия креста (здесь мы опускаем рассказы Коленкура и д'Изарна, о нашептывании поляками императору историй о священном значении этого креста для русских), этот вопрос представлял незначительный (если вообще представлял хоть какой-то) интерес. Несмотря на то что крест был снят 28–29 сентября, Наполеон не позаботился о том, чтобы увезти его с первым же «трофейным обозом» в начале десятых чисел октября, и даже не упомянул о нем в 23-м бюллетене. Складывается впечатление, что поломка креста при падении с колокольни заставила Наполеона отказаться от мысли о перевозке его в Париж, и остов креста с ободранной обшивкой, которую пустили на переплавку, так и остался лежать возле Успенского собора.

После ухода из жизни участников русского похода и прекращения публикации их дневников и воспоминаний история о кресте, сброшенном Наполеоном с кремлевской колокольни, потеряла для французов вообще какой-либо интерес.

Совершенным контрастом выглядит история русской традиции легенды о кресте. Импульсом к ее появлению и даже формированию стала малозначащая фраза Сегюра

⁴⁵ [Bausset] Op. cit. P. 314.

⁴⁶ [Ysarn de Villefort F. J. D.] Op. cit. P. 78. Note Y.

⁴⁷ Roguet F. Op. cit. P. 506. Отметим, что в 1911 г. А. Шюке опубликует два донесения Роге, которые тот отправил Бертье 21 октября (н. ст.) 1812 г., т. е. уже после выхода из Москвы 19 октября (н. ст.), о том, что повозки, груженные трофеями из Москвы, не могут дальше идти из-за усталости лошадей и размытых дорог (Chuquet A. Lettres de 1812. P., 1911. Sér. I. № 37, 38. P. 96–98).

⁴⁸ Roguet F. Op. cit. P. 536.

⁴⁹ Castellane E. V. E. B. Op. cit. P. 187.

⁵⁰ См.: Biot H. F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901.

⁵¹ См.: Saint-Hilaire E. M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. P., 1846. T. 2. P. 169.

⁵² См.: Grünwald C. La campagne de Russie. P., 1963. P. 242.

⁵³ См.: Olivier D. L'incendie de Moscou. P., 1964. P. 153, 154.

о затоплении креста в «Семлевском озере», воспроизведенная в русском переводе книги Вальтера Скотта. С этого времени начинаются интенсивнейшие поиски креста, которые не прекращаются и по сей день. При этом гигантские усилия «поисковиков», как правило, предпринимались на фоне отсутствия квалифицированного теоретического исследования вопроса на основе письменных источников. Думается, что известный скепсис, выражаемый современными профессиональными историками в отношении перспектив поиска креста с колокольни Ивана Великого, несколько не повлияет на интенсивность процесса генерации легенд о его местонахождении. Россияне и дальше будут продолжать его поиски.

Мой земляк, екатеринбуржец А. М. Архипов, один из тех энтузиастов, которые ежегодно едут в белорусские леса в поисках следов великой эпопеи 1812 г., рассказал мне следующее: «Однажды, весной 1978 года, на опушке леса возле Студенки я встретил старушку лет восьмидесяти, если не больше, которая что-то увлеченно собирала. Это была местная знахарка, которая с наступлением погожих дней вышла пополнить свои лекарственные припасы.

Бабушка оказалась словоохотливой, чему я обрадовался. Выслушав курс молодого травника, я попросил ее припомнить, что рассказывали ей старики о войне с Наполеоном. О той войне подробностей от своих предков, исстари живших в Студенке, она не слышала, но, оживившись, стала рассказывать о днях своей юности. Было это еще до революции: «Когда я была молодухой, мы с парнями часто ездили миловаться на лодках в камыши в устье речки, впадающей в Березину. Место это привлекало нас еще тем, что, черпая ковшиком придонный ил, можно было намыть несколько не просто монет, а червонцев! Наши-то червонцы были хороши, а вот французские — почти все зеленые, похуже!» А потом она неожиданно вспомнила: «Студенковские мужики вот здесь, — она показала рукой, — перерыли весь правый берег этой речушки, искали закопанный французами большой золотой крест с колокольни Ивана Великого. Знали об этом в каждой семье нашей деревни, но крест так и не нашли». Еще, немного помолчав, она добавила: «Он обязательно найдется, так как земля золото долго не терпит! Со временем она вытолкнет его на свет Божий...»».

Ключевые слова: *Наполеон, Отечественная война 1812 года, крест колокольни Ивана Великого, исторический миф*

Vladimir N. Zemtsov

Doctor of historical sciences, Ural State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vladimirzemtsov@rambler.ru

CROSS OF IVAN THE GREAT BELLTOWER: TWO HUNDRED YEARS OF TWO NATIONAL MYTHS

During the occupation of Moscow by the Napoleon's army the cross of Ivan the Great Belltower, which had a significant symbolic value for Russia, was knocked down and later disappeared. The article investigates the circumstances of the origin and further transformation of different versions (the Russian and the French myths) of the fate of that cross.

Key words: *Napoleon, the Patriotic war of 1812, the cross of Ivan the Great Bell, historical myth*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Biot H. F. Paris: Henri Vivien, 1901, 554 p. (in French).

Caulaincourt A. A. L. Paris: Librairie Plon. 1933, 426 p. (in French).

Chambray G. Paris: Chez Pillet Aîné, 1838, Vol. 3. 519 p. (in French).

Chuquet A. Paris: H. Champion, 1911, Sér. 1. 368 p. (in French).

Correspondance de Napoléon I (Correspondence of Napoleon I). Paris: H. Plon, J. Dumaine, 1868, Vol. 24. 558 p. (in French).

Dedem de Gelder. Paris: E. Plon, 1900, 414 p. (in French).

- Denniée P. P. Paris: Paulin, 1842, 212 p. (in French).
- Dubrovin N. Moscow: GPIB, 2006, 671 p. (in Russ.).
- Dumas M. Paris: E. Dumoulin, 1839, Vol. 3. 612 p. (in French).
- Fain A. J. F. Paris: Delaunay, 1827, Vol. 2. 494 p. (in French).
- Grünwald C. Paris: Roger Jean Ségalat, 1963, 411 p. (in French).
- Grutso I. A. Moscow: Voen. izd-vo, 2010, 496 p. (in Russ.).
- Journal du maréchal de Castellane (1804–1862)* (Newspaper of the marshal of Castellane). Paris, 1895, Vol. 1. 477 p. (in French).
- Kosarev A. G., Sotskov Ye. V. Moscow: Veche, 2005, 320 p. (in Russ.).
- Labaume E. Paris: Cosmopole, 2001, 359 p. (in French).
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* (Letters intercepted by the Russians during the countryside of 1812). Paris: La Sabretache, 1913, 440 p. (in French).
- Mémoires du sergent Bourgogne* (Memoirs of the sergeant Bourgogne). Paris: Hachette, 1900, 251 p. (in French).
- Napoleon v Rossii glazami russkikh* (Napoleon in Russia through the eyes of Russian). Moscow: Zakharov, 2004, 526 p. (in French).
- Napoléon I. Paris, 1827, Vol. 5. (in French).
- Novoe vremya* (*New time*), 1911, July 28. (in Russ.).
- Olivier D. Paris: R. Laffont, 1964, 266 p. (in French).
- Peyrusse G. J. Paris: Labau, 1869. (in French).
- Popov A. I. Moscow: GIM, 2008, pp. 126–134. (in Russ.).
- Private anecdotes of Foreign Courts. London: Henry Colburn, 1827, Vol. 2. 405 p. (in English).
- Rapp J. Paris: Bossange; Didot, 1823, 365 p. (in French).
- Relation du séjour des Français a Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812* (Relation of the stay of Frenchmen has Moscow and the fire of this city in 1812). Bruxelles: Chez Fr.-J. Olivier, 1871, 190 p. (in French).
- Roguet F. Mémoires militaires. Paris: J.Dumaine, 1865, Vol. 4. 660 p. (in French).
- Rostopchine F. V. Paris: Ponthieu, 1823, 47 p. (in French).
- Russkaya starina* (*Russian Antiquity*). 1893, № 1. Vol. 77. (in Russ.).
- Saint-Hilaire E. M. Paris: Eugene et Victor Penaud frères, 1846, Vol. 2. 304 p. (in French).
- Sbornik dokumentov* (Collection of documents). Moscow: Voenizdat, 1955, Vol. 4, part 2, № 545, 851 p. (in Russ.).
- Segur Ph.-P. Brussels: Arnold Lacrosse, 1825, Vol. 2. 334 p. (in French).
- Skott V. St.-Peterburg: Tipografiya I. Glazunova, A. Smirdina, 1831–1832, Vol. 10. (in Russ.).
- Surugue A. Moscow, 1909, 71 p. (in French).
- Syn Otechestva* (*Son of the Fatherland*), 1813, № 9. (in Russ.).
- Vestnik Yevropy* (*European Journal*). 1813, Part. 67, № 1. (in Russ.).
- Villemain A. F. Paris: Didier, 1854, Vol. 1. 494 p. (in French).
- Vionnet de Maringoné L. J. Paris: E.Dubois, 1899, 193 p. (in French).